

ЕЩЕ РАЗ О МЕЙНСТРИМЕ В ЛИНГВИСТИКЕ

(заметки по поводу статьи И.А. Углановой¹)

Юрий А. Левицкий

Пермский государственный университет, Россия

*Я спорить не хочу, Сенека,
Но только так устроен свет:
Там, где сошлись два человека,
Там есть два взгляда на предмет.*
Овидий

The article by Inna Uglanova published in the previous issue is under discussion. The disputed article concerns the problem of the “dissolution” (or scattering”) of the subject-matter in modern linguistics.

В рассматриваемой статье И.А. Углановой обсуждается вопрос о том, существует ли в современной лингвистике некое основное направление (mainstream). На материале ряда обзоров, посвященных состоянию дел в современной лингвистике, автор предпринимает попытку выяснить, существует ли в данной науке некая единая парадигма или же она представляет собой совокупность ряда теорий. Проанализировав работу В.З. Демьянкова, автор приходит к выводу, что перечисленные Демьянковым девять наиболее значимых теорий могут быть сведены к трем: **генеративной, функциональной и когнитивной**. Далее рассматривается работа Е.С. Кубряковой, которая принципиальными чертами современной лингвистики считает **экспансионизм, антропоцентризм, функционализм и экспланаторность**. Анализ ряда работ вынуждает автора прийти к неутешительным выводам: лингвистика утратила принцип системности – вместо единого предмета мы имеем дело с грудой разнородных явлений; лингвистика «открестилась» от структурализма, который открыл дорогу междисциплинарности и породил антропоцентризм. Допуская существование лингвистики «истинного постмодерна», автор полагает, что в качестве ее методологического основания вполне реально рассматривать **синергетику**.

В целом ситуация в лингвистике описывается с большим креном в философию. При этом упускается из вида тот простой факт, что философы, как и слишком философствующие лингвисты (особенно «молодые и амбициозные»), очень любят поиграть словами, не всегда затрудняя себя пояснениями того, в каких значениях эти слова используются. К сожалению, многие лингвистические термины далеко не однозначны, а отсутствие пояснений приводит к недопониманию того, что имел в виду автор (если он действительно что-то имел в виду).

Если же подходить к рассмотрению затронутых вопросов с чисто лингвистических позиций, то начинать следует с определений терминов. В связи с этим я позволю себе остановиться на том, как могут интерпретироваться основные термины, которые часто используются без каких бы то ни было комментариев в многочисленных работах, посвященных проблемам языка.

Начнем со слова *парадигма*. В лингвистике под парадигмой понимается множество лингвистических единиц, «противопоставленных друг другу и в то же время объединенных по наличию у них общего признака» (ЛЭС 1990: 366-367). Следовательно, если в качестве элементов множества рассматривать близкие по

¹ Угланова И.А. Существует ли мейнстрим в современной лингвистике? // Филологические заметки: межвуз. сб. науч. тр. Вып. 4: в 2 ч. / отв. ред. Т.И. Ерофеева, Я. Мойсиева-Гушева, Ж. Кнап; Перм. ун-т. – Пермь; Скопье; Любляна, 2006. Ч. 1. С. 163-173.

характеру лингвистические теории, то тогда первая антиномия обсуждаемой работы (единая парадигма – совокупность ряда теорий) утрачивает свой смысл. В работах по истории лингвистики широко используется слово *направление*, которое и пытаются заменить словом *парадигма*. Каждое направление может характеризовать целый ряд *школ*, разделяющих основные идеи общего направления и различающихся между собой частностями. Я не усматриваю смысла в том, чтобы вместо слов *школа* и *направление* использовать слово *парадигма*.

Следующее слово, без которого не обходится ни одна лингвистическая работа, – *язык*. Тривиальнейшее определение языка как орудия, средства общения не выдерживает никакой серьезной критики. Во-первых, оно определяет не **что** такое язык, а **для чего** он предназначен. Во-вторых, орудия изготавливаются людьми намеренно и с определенной целью, по заранее намеченному плану. Ничего этого нельзя отнести к языку: «Язык – в природе человека, и человек не изготавливал его... В мире существует только человек с языком, человек, говорящий с другим человеком, и язык, таким образом, необходимо принадлежит самому определению человека» (Бенвенист 1974: 293).

В лингвистике слово *язык* используется для обозначения **двух различных понятий** – «языка-объекта» и «языка-предмета». Такое положение существует в подавляющем большинстве языков: англ. *language*, нем. *Sprache* и т.д. Исключение составляет французский язык, в котором имеются два однокоренных синонима: *langage* и *langue*. То же наблюдается в итальянском и испанском языках (*linguaggio* и *lingua*, *lenguajo* и *lengua*). Язык-объект – это то явление действительности, которое изучается рядом наук, в том числе и лингвистикой. Язык-предмет – это тот специфичный аспект явления, на который направлено внимание каждой конкретной науки.

Общеизвестным является философское определение языка: «Язык *есть* практическое, существующее и для других людей и лишь тем самым существующее также и для меня самого, действительное сознание» (Маркс, Энгельс: 448). Аналогичным образом строятся определения и в лингвистике: «Язык – исторически сложившийся и естественный механизм человеческого мышления» (Бюлер 1993: 109). «Не только онтологически, но и филогенически язык выступает как форма существования человеческого сознания» (Серебренников 1983: 117). Именно этот феномен и был обозначен Соссюром словом *langage*, которое на русский язык не вполне удачно (утрачена этимологическая близость двух слов) было переведено как «речевая деятельность».

В составе *langage* Соссюр выделил две части: явную, наблюдаемую, которую он обозначил словом *parole* «речь», и скрытую, непосредственно ненаблюдаемую часть – *langue*, которая представляет собой «клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу, точнее сказать, у целой совокупности индивидов, ибо язык не существует полностью ни в одном из них, он существует в полной мере лишь в коллективе» (Соссюр 1973: 52). Это и есть **предмет** исследования лингвистики. Поскольку оба соссюровских термина переводятся обычно одним и тем же словом *язык*, он оказывается двусмысленным. Однако обычно термины используются без особых пояснений, при этом часто в одном и том же тексте.

Разделив одно общее понятие «langage» на два подчиненных «langue» и «parole», Соссюр считал, что должны существовать и **две разные лингвистики**: лингвистика языка и лингвистика речи. «Изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от индивида; это наука чисто психическая; другая,

второстепенная, имеет своим предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична» (Соссюр 1973: 57).

Итак, единым предметом лингвистики языка (*langue*) было изучение его устройства, структуры. Эта задача была успешно выполнена в рамках общего направления, получившего наименование *структурализм*. В результате исследований структуралистов разных школ установлены основные единицы языковой системы и их отношения. Завершающим этапом явилось представление языка в виде иерархии уровней, на которых располагаются основные лингвистические единицы – работы Э. Бенвениста, Л. Ельмслева, Э. Косериу, Ю.С. Степанова и др. При этом следует отметить, что исследования лингвистов ограничивались «работающими» единицами, в качестве которых выступали звуки, слова и предложения, а также лежащими в их основе фонемами, морфемами и конструкциями. В дальнейшие глубины лингвистика не погружалась. Никакими поисками «исчезающих структур» лингвисты не занимались – это прерогатива философов.

В рамках структурализма возникли и получили развитие порождающие грамматики, такие, как трансформационная грамматика и категориальные грамматики. Основным предметом исследований порождающих, или генеративных, грамматик были синтаксические преобразования.

Синтаксические преобразования известны грамматистам давно, и спорадически они упоминались в грамматических описаниях. Так, например, в грамматике латинского языка 1838 г. описывается процесс преобразования предложения (независимого или зависимого) в абсолютный причастный оборот. Для этого подлежащее преобразуемого предложения ставится в форме *Ablativus*, а сказуемое заменяется причастием в соответствующем времени и согласуется с подлежащим – тоже в *Ablativus* (Scheller 1838: 243). Нам всем хорошо известны школьные упражнения, в которых требовалось заменить, например, придаточные определительные предложения причастными оборотами и т.п.

Специфика порождающих (генеративных) грамматик заключается в том, что, во-первых, как уже отмечалось, преобразование является основным и единственным предметом исследования и описания, во-вторых – преобразования представлены в виде системы и, в-третьих, – описание имеет строго формализованный, «математизированный» характер. В трансформационной грамматике в качестве символов используются принятые в морфологии обозначения частей речи (N – для существительного, V – для глагола, A – для прилагательного, D – для наречия). В категориальной грамматике употребляются обычно всего два исходных символа: *n* – для существительного, Σ – для предложения, а все остальные классы слов считаются производными.

Наиболее широкое распространение и огромную популярность получила трансформационная грамматика, созданная З. Хэррисом и Н. Хомским. Популярность эта была обусловлена тем, что очень многие отечественные лингвисты, не утруждая себя прочтением работ Н. Хомского, основываясь на чисто этимологической ассоциативной связи, термин *порождающая грамматика* ошибочно связали с процессом порождения высказывания и буквально захлеб начали расхваливать новое направление, считая его панацеей при разрешении вопросов порождения высказывания. «Одним из самых главных достижений генеративного направления мы считаем само обращение к исследованию механизмов использования языка в речевой деятельности... По своему замыслу трансформационная, а позднее и генеративная грамматика должны были показать, **как происходит в речи формирование высказывания**» (выделено мною. – Ю.Л.) (Кубрякова 1980: 233). «Преобразования элементов языка носят спонтанный характер, они составляют необходимое условие

нормальной речевой деятельности. Носители языка неосознанно и постоянно совершают преобразования в процессе коммуникации» (Засорина 1974: 277).

Огульное восхваление трансформационной грамматики отмечает А.Е. Кибрик: «Терминологический аппарат порождающей грамматики вошел в лингвистический обиход и используется многими лингвистами, **работающими вне рамок генеративной лингвистики**» (выделено мною. – Ю.Л.) (ЛЭС 1990: 98-99).

В подобном ключе высказывается и А.А. Леонтьев: «Модель Хомского импонировала и лингвистам, и психолингвистам своей бросающейся в глаза оригинальностью, **кажущейся динамичностью**» (выделено мною. – Ю.Л.) (Леонтьев 1974: 41). А в статье в ЛЭС А.А. Леонтьев высказывается вполне категорично: «Для анализа процесса реального порождения высказывания в речевой деятельности человека трансформационная грамматика заведомо **непригодна**» (ЛЭС 1990: 386-387). То же отмечает и Дж. Лакофф: «Как показали психолингвистические исследования, трансформации **не** используются **непосредственно** в процессе речевой деятельности» (Лакофф 1980: 365).

Если бы слишком восторженные почитатели Хомского взяли на себя труд непосредственно познакомиться с его работами, они могли бы убедиться в том, что процесс порождения высказывания говорящим происходит совсем **не по правилам трансформационной грамматики**. Сам Н. Хомский неоднократно отмечал, что его грамматика описывает **компетенцию** говорящего, т.е. его знание языковой системы, но никак **не порождение** конкретных высказываний в процессе коммуникации, что составляет уже область **употребления** языка. «Порождающая грамматика **не является моделью для говорящего и слушающего** (выделено мною. – Ю.Л.). Она стремится охарактеризовать в наиболее нейтральных терминах знание языка, которое дает основу для действительного использования языка говорящим-слушающим» (Хомский 1972: 13-14).

Понятие «порождение» заимствовано из математики. В грамматике «порождающей моделью называется устройство, содержащее алфавит символов и конечное число правил образования (и преобразования) выражений из элементов этого алфавита, способное построить бесконечное число правильных **предложений** данного языка и приписать каждому из них некоторую структурную характеристику» (Апресян 1974: 107).

В основе трансформационной грамматики Н. Хомского лежит разделение всех возможных предложений некоего языка на две неравные группы: **ядерные** (исходные) предложения и **трансформы**. Предметом трансформационной грамматики являются те преобразования (трансформации), с помощью которых любое предложение можно свести к исходному ядерному предложению или же совокупности ядерных предложений. «Главная идея ранних версий генеративной грамматики заключается в том, что синтаксические представления в языковом аппарате человека имеют два уровня – уровень **глубинной структуры** (ГС) и уровень **поверхностной структуры** (ПС) и что эти два уровня связаны между собой посредством **трансформаций**, которые могут переводить одну ГС в несколько разных ПС. Получается своего рода вычислительная система, которая отражает знание человека более точно, чем другие модели» (Бейлин 1997: 17).

После выявления устройства языковой системы вполне естественным был переход к следующей задаче – выявлению закономерностей функционирования этой системы, т.е. переход от лингвистики языка к лингвистике речи (parole). А этот переход связан с тем, что «объект лингвистики выступает перед нами как груда разнородных, ничем между собою не связанных явлений. Поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и

т.д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики, но которые в результате методологической ошибки могут притязать на речевую деятельность как на один из своих объектов» (Соссюр 1977: 47). В связи с этим лингвистике необходимо было обратиться «за помощью» к перечисленным Соссюром наукам, занимающимся изучением тех факторов, которые в той или иной мере оказывали влияние на употребление, использование языка в разнообразных условиях. Появляется целый ряд так называемых смежных наук, предметами которых и были условия, определяющие характер функционирования языка. К таким наукам относятся функциональная лингвистика, социолингвистика, психолингвистика, лингвистика текста, в результате развития которой выделилась отдельная отрасль – лингвистическая прагматика.

К зачинателям функциональной лингвистики относятся Ш. Балли и А. Сеше, наметившие в своих работах переход от лингвистики языка к лингвистике речи. Именно в системе языка существуют специальные механизмы и средства, с помощью которых языковые единицы превращаются в речевые. Последующие представители этого направления детально анализируют разнообразные средства, предназначенные для передачи содержания, обращения, выражения, указания, связности порождаемых текстов, рассматривают специфику функционирования языка в разных сферах общения и т.д. Итак, функциональная лингвистика рассматривает средства и способы образования правильных высказываний в соответствии с общими условиями коммуникации.

Что касается **функционализма**, то это понятие связывают обычно с проблемой выделения разнообразных функций языка. Однако слово *функция*, как и большинство лингвистических терминов, оказывается неоднозначным. Так, функцией могут называть сферу употребления языка, использование языка в отдельных ситуациях и т.п.

Как известно, К. Бюлер выделил три функции языка – *экспрессию* (выражение), *апелляцию* (обращение) и *репрезентацию* (сообщение) (Бюлер 1993: 34). Р. Якобсон отмечает шесть функций: *эмотивную* (функцию выражения чувств и воли говорящего), *конативную* (вокативно-императивную, или модальную), *референтную* (функцию обозначения предметов внешнего мира), *метаязыковую* (обуславливающую возможность говорить о языке с помощью языка), *фатическую* (функцию установления контакта), *поэтическую* (Jacobson 1960: 353-357). М.А.К. Хэллидей, подобно Бюлеру, выделяет три языковые функции: *содержательную* (понятийную), *межличностную* (социальную), *текстовую* (дискурсивную) (Halliday 1970). Ю.С. Степанов говорит о трех «механизмах», которые он затем называет функциями – *номинации*, *предикации* и *локации*. Закрепленные в грамматике тремя различными способами три типа абстракции являются основой для выполнения языком трех его функций – назвать и классифицировать (номинация), привести названное в связь друг с другом (предикация), локализовать названное и приведенное в связь в пространстве и времени (локация)» (Степанов 1975: 122).

Однако Ж. Мунен, который скептически относится ко многим лингвистическим теориям, замечает, что указанные функции объясняют все факты языка только нелингвистам, поскольку они не имеют собственно формальных лингвистических критериев. Это лишь частные случаи употребления языка (Торсуева 1974: 123). Все эти функции представляют собой случаи конкретизации главной и единственной функции языка – коммуникативной.

Если исходить из того, что язык есть практическое сознание, то многие функции, которые выделяют лингвисты, «должны относиться не к классу функций, а к классу **свойств** (выделено мною. – Ю.Л.) языка. Такими являются, например, указанные в ряде работ конструктивная функция (использование языка для формирования мысли),

когнитивная (язык как средство познания действительности), инструментальная (применение языка как инструмента исследования)... Быть средством общения – это функция языка; но быть практическим действительным сознанием – это его природа, его сущность, его, грубо говоря, фактура. И поэтому сказать, что функция языка – быть практическим сознанием, это то же, что сказать: функция ковра быть ковром, а функция языка – быть языком, т.е. тавтология» (Попова 1987: 31-32).

Возвращаясь к обзору смежных дисциплин, отметим, что социолингвистика имеет целью выявить факторы, которые обуславливают приспособление коммуникации к социальному контексту, выявляя специфические особенности говорящего, слушающего, характера их социальных взаимоотношений и т.п. В целом речь идет опять-таки о том, как достичь успеха в коммуникации в рассматриваемом аспекте.

Психолингвистика подходит к процессу коммуникации «изнутри», определяя работу психологических механизмов в процессе приспособления человека к языку как при усвоении, так и при его использовании говорящим (порождение речи) и слушающим (восприятие речи); чем обусловлен успех или же неуспех в области владения и употребления языка.

Лингвистика текста, которая сложилась позднее рассмотренных аспектов, с одной стороны, вобрала в себя многие идеи и приемы из предыдущих дисциплин, а с другой – послужила в определенной степени базой для лингвистической прагматики. Лингвистика текста исследует средства внутритекстовых связей, характер преобразования предложений при их вхождении в текст, семантику текста, в том числе и ту, которая не получает в тексте эксплицитного выражения, выявляет наиболее адекватные способы выражения содержания, уместность тех или иных форм и выражений в аспекте успешности коммуникации.

Наиболее же «всеядной» оказалась прагматика, которая пытается выявить абсолютно все условия успешной коммуникации.

По поводу сказанного следует сделать два замечания. Во-первых, все перечисленные науки предметами своих исследований имеют различные аспекты единого общего явления – речи. Это, как уже отмечалось, – различные аспекты лингвистики речи, предмет которой заключается в выявлении характера тех языковых средств и способов, с помощью которых человеку удается установить контакт со своим партнером и добиться полного и однозначного взаимопонимания. Иными словами, задача всех перечисленных аспектов исследования речевой деятельности заключается в том, чтобы выяснить, как человек приспособливает язык для достижения взаимопонимания и взаимодействия с другими людьми. Следовательно, никакого «экспансионизма» лингвистики не происходит. А переход к **антропоцентризму** – также естественный результат, поскольку в процессе коммуникации основными субъектами являются говорящий и слушающий со всеми их особенностями.

Во-вторых, во всех исследованиях рассматриваются различные стороны функционирования того самого языка (*langue*), устройство которого во всех деталях описано в рамках структурализма. Следовательно, лингвистика не «открестилась» от структурализма, а на новом этапе своего развития успешно пользуется его достижениями. Точно так же новые этапы развития физики не привели к «открещиванию» от достижений классической механики, а развитие математики не привело к «открещиванию» от евклидовой геометрии.

Таким образом, основным направлением современной лингвистики (*mainstream*) вполне естественным представляется всестороннее описание предмета речи, для чего неизбежно требуется «обращение за помощью» к тем наукам, предметы которых тем или иным образом связаны с изучением факторов, влияющих на условия коммуникации.

Среди перечисляемых В.З. Демьянковым теорий отмечается когнитивная лингвистика. Начало новому направлению, названному *когнитивной психологией*, или *когнитологией*, было положено работой Дж. Миллера и Ф. Джонсон-Лэрда «Язык и восприятие» (1976 г.). Что касается когнитивной **лингвистики**, то Е.С. Кубрякова понимает ее в достаточно широком смысле как науку «о знании и познании, о результатах восприятия мира и предметно-познавательной деятельности людей, накопленных в виде осмысленных и приведенных в определенную систему данных, которые каким-то образом репрезентированы нашему сознанию и составляют основу ментальных, или когнитивных процессов» (Кубрякова 1994: 34). О лингвистике или языке – **ни слова**.

Существует множество других определений, однако все они имеют всеобъемлющий характер. Происходит это, прежде всего, потому, что одним из стимулов развития когнитивной лингвистики была идея создания искусственного интеллекта. Предмет «обычной» лингвистики очерчен достаточно четко и однозначно: это языковая система, «упрятанная» в сознании человека, который прекрасно умеет им пользоваться, даже не обладая никакими лингвистическими познаниями. Совсем другое дело, когда этот «предмет» требуется поместить в машину, пусть даже самую совершенную. Но дать машине знания лишь об устройстве языка оказывается явно недостаточным. Нужно еще снабдить машину всеми теми знаниями, которыми владеет человек, даже самый примитивный, но живущий в достаточно сложном мире, в котором ему приходится действовать. Этого тоже явно недостаточно: нужно вложить в машину и умение пользоваться этими знаниями. (Как говорил Г. Честертон, «машина потому и машина, что не умеет мыслить».) У. Эко приводит в пример работу «Когнитивный компьютер» Р. Шени и П. Чилдерса, авторы которой пытаются выяснить, какого объема энциклопедию надо заложить в машину, чтобы она могла писать (и понимать) басни в духе Эзопа. Оказывается, для того чтобы прочитать басню, надо **«довольно много знать»** (выделено мною. – Ю.Л.). Объем такой «энциклопедии» представляется безграничным (Эко 2002: 214). Но этого также недостаточно. Надо еще показать, как языковая система должна **функционировать** во всех случаях жизни. А для этого нужно попытаться найти предмет той самой лингвистики речи, которую когда-то обозначил Соссюр.

Кроме того, «само по себе употребление когнитивной терминологии не гарантирует существенных теоретических достижений... “Когнитивные одежды” примеряют на себя даже направления, внутренне чуждые когнитивному подходу» (Герасимов 1985: 216). Это было сказано в 1985 г. А вот какие недостатки современной когнитивной лингвистики отмечают в 2000 г.: «1) Злоупотребление модной когнитивной терминологией, без определения ее содержания; 2) неразличение мыслительных и языковых явлений; 3) отождествление концептов с семантикой языковых единиц; 4) отсутствие хорошо разработанной методики когнитивного анализа языковых фактов» (Попова, Стернин 2002: 15-16). Предмет же когнитивной лингвистики указанные авторы определяют так: «*Когнитивная лингвистика* имеет своим предметом исследование языковых средств (слов, словосочетаний, текстов), репрезентирующих (объективирующих) в языке и речи определенные концепты» (там же: 93). Иначе говоря, цель когнитивной лингвистики – выявление системы **человеческих знаний**, закрепленных в языке и выражаемых в речи, а все разнообразные направления и ответвления когнитивной лингвистики занимаются рассмотрением **традиционных проблем** соотношения языка и мышления, языка и действительности, языка и человека.

Считая состояние современной лингвистики тупиковым, автор обсуждаемой статьи полагает, что для лингвистики «истинного постмодерна» в качестве ее

методологического основания можно рассматривать **синергетику**. Я не рискну характеризовать место синергетики в системе постмодерна, но о том, как она преломляется в понимании отечественных лингвистов, могу сказать несколько слов.

В лингвистике синергетику относят, например, к «внутренней жизни текста». В рамках данной концепции «на первый план выдвигается вопрос моделирования и интерпретации *самодвижения энергожизни* текстового пространства, которая проявляется через лингводинамику текста и через становление его энергетических свойств и характеристик (напряжения, силы, зыбления смысла и др.). Один из возможных путей постижения внутренней жизни текста, его энергожизни – это моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства. Ведь если воплощением внутренней жизни текста, его энергожизни, выступает лингводинамика текста, то, изучая природу текстовой лингводинамики, описывая ее механизмы, формы и характеристики, мы, несомненно, раскроем законы протекания внутренней жизни текста, законы самодвижения энергожизни текстового пространства и становления его энергетических свойств и характеристик. Моделирование и интерпретация лингводинамики текстового пространства – *один из возможных* методов постижения внутренней жизни текста, но именно этот метод позволяет получить *адекватное представление о природе текстовой энергии*» (Мышкина 1998: 3). Как говорится – коротко и ясно.

Так же коротко и ясно определяется понятие «внутренней жизни текста», которую можно трактовать как *«проявление и становление энергодинамических свойств текста и составляющих его единиц, как энергожизнь текстового пространства... Энергожизнь текста проявляется не только в том, что между одними текстовыми единицами как бы протягиваются энергетические нити, объединяющие их в единый энергопоток смыслов, а между другими возникают силы отталкивания, которые ведут к ветвлению энергопотоков. Энергожизнь текста обнаруживается и в “перепадах смысла”, алогичностях, противоречивостях высказываний и других явлениях, из-за которых возникает энергетический “разрыв” текстового пространства, “пустота безмолвия”»* (там же: 6). «Ученые, разрабатывающие проблемы синергетики, изучают законы функционирования систем, которые движутся и развиваются собственной энергией в силу своего собственного энергетического потенциала, но в то же время способны самопроизвольно “подпитываться” энергией среды» (там же: 8). Текст рассматривается как **самоорганизующаяся** система, следовательно, при анализе его «внутренней жизни» необходимо **«абстрагироваться как от человека, создающего текст, так и от человека, воспринимающего текст»** (выделено мною. – Ю.Л.) (там же: 13).

Я не собираюсь оценивать данную концепцию в аспекте открытия нового, доселе неизвестного, вида энергии, а остановлюсь на чисто языковых аспектах проблемы. Как ни странно, подавляющее большинство лингвистов считает, что если мы хотим понять и познать природу языка, то не должны упускать из виду **двух людей**: говорящего и слушающего. В отношении же текста это будут, соответственно, автор и читатель. Иными словами, для того чтобы «проникнуть» в текст (его «внутреннюю жизнь»), мы должны встать либо на позицию автора, производящего этот текст, или на позицию читателя, который этот текст воспринимает. Сторонники же рассматриваемой концепции, по всей вероятности, нашли некий «третий путь», минуя две указанные позиции. Мне представляется, что такой третий путь может быть доступен лишь Всеведущему и Всемогущему, но никак не простому человеку. Строго говоря, даже Всемогущий никогда **сам** никаких текстов не создавал. Для этого ему требовались посредники – пророки, которым открывалась Истина, и на основании таких Откровений они и создавали тексты для всеобщего ознакомления.

Неизбежно возникает и ряд других глупых вопросов. Во-первых, как сам исследователь, **не будучи читателем**, «выуживает» из текста слова, «внутреннюю жизнь» которых он желает исследовать? Может быть, на ощупь, с завязанными глазами? Во-вторых, как слова «влезают» в текст без помощи автора? (Это напоминает детский вопрос: *А как повидло попадает в конфеты «подушечка»?*) Очевидно, исключительно благодаря своей «внутренней энергии». Сколько же бумаги было потрачено зря на то, чтобы описать пресловутые «муки слова»! Для чего автору мучить себя и искать подходящие слова, когда они сами обладают своей энергией и сами могут решить, на какое место им стать и с какими другими словами связаться. Любой желающий создать текст может последовать примеру известной всем в свое время гимназистки, которая написала свое сочинение без единого знака препинания, а затем изобразила все известные ей пунктуационные знаки и добавила фразу: *Марш по своим местам!* Но тогда ведь, оказывается, очень просто «соорудить» любой текст: «загнать» в компьютер несколько словарей, задать тему, а затем скомандовать «*геть!*», и слова сами разбегутся в соответствии со своими симпатиями и антипатиями. Правда, прочитать такой текст, скорее всего, никому не удастся, поскольку, как уже отмечалось, присутствие автора и читателя в данной концепции не предусмотрено. Ну что же, текст будет существовать своей «внутренней жизнью».

Если для лингвистики «истинного постмодерна» представленное понимание синергетики является методологической основой, тогда вполне понятно, почему она «покинула свой дом» и «утеряла ключ от него». Как известно, вся классическая лингвистика выросла на текстах. А синергетика запрещает подходить к тексту как с позиции автора, так и с позиции читателя. Следовательно, доступ к языку закрыт.

Интересно было бы узнать, а как обстоят дела с позиции «истинного постмодернизма» в математике, физике, химии и т.д.?

Библиографический список с принятыми сокращениями

- Апресян Ю.Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики / Ю.Д. Апресян. М., 1966.
- Бейлин Дж.* Краткая история генеративной грамматики / Дж. Бейлин // *Фундаментальные направления современной американской лингвистики: Сб. обзоров.* М., 1997. С. 13-57.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика / Э. Бенвенист. М., 1974.
- Бюлер К.* Теория языка / К. Бюлер. М., 1993.
- Герасимов В.И.* К становлению «когнитивной грамматики» / В.И. Герасимов // *Современные зарубежные грамматические теории.* М., 1985. С. 213-250.
- Засорина Л.Н.* Введение в структурную лингвистику / Л.Н. Засорина. М., 1974.
- Кубрякова Е.С.* Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е.С. Кубрякова // *Вопросы языкознания.* 1994. № 4. С. 34-47.
- Кубрякова Е.С.* Динамическое представление синхронной системы языка / Е.С. Кубрякова // *Гипотеза в современной лингвистике.* М., 1980. С. 217-261.
- Лакофф Дж.* Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // *Новое в зарубежной лингвистике.* М., 1980. Вып. 10. С. 350-368.
- Левицкий Ю.А.* Лексикографическая загадка. Значения слов *langage* и *langue* / Ю.А. Левицкий // *Язык и мы. Мы и язык: Сб. статей памяти Бориса Самойловича Шварцкофа.* М., 2006. С. 47-56.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики / А.А. Леонтьев. М., 1977.
- ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

- Маркс К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 3.
- Мышкина Н.Л. Внутренняя жизнь текста: механизмы, формы, характеристики / Н.Л. Мышкина. Пермь, 1998.
- Попова З.Д. Общее языкознание / З.Д. Попова. Воронеж, 1987.
- Попова З.Д. и др. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. Воронеж, 2001.
- Серебрянников Б.А. О материалистическом подходе к явлениям языка / Б.А. Серебрянников. М., 1983.
- Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию / Ф. де Соссюр. М., 1977.
- Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. М., 1975.
- Торсуева И.Г. Мунэн Ж. Лингвистика XX в. / И.Г. Торсуева // Теория и история языкознания: Реферативный сборник. М., 1974. С. 111-136.
- Хомский Н. Аспекты теории синтаксиса / Н. Хомский. М., 1972.
- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах / У. Эко. СПб., 2002.
- Halliday M.A.K. Language structure and language function / M.A.K. Halliday // New horizons in linguistics. Harmondsworth, 1970.
- Jacobson R. Linguistics and poetics / R. Jacobson // Style in language. New York; London, 1960.
- Scheller I.J.G. A copious Latin grammar / I.L.G. Scheller. London, 1838. Vol. 2.